

Не спрашивайте у меня имени врага. Не спрашивайте о его стремлениях и его методах. Не просите открыть его мысли или повторить его слова. Просите только о силе, чтобы его убить.

Пособие для поддержания духа имперских пехотинцев (Благочестивые Наставления, 97-14)

Силуэт «Кузнеца преисподней» заполнил весь экран капитанской рубки «Трибунала». Красно-черный, с клиновидным корпусом, вражеский крейсер намного превосходил «Трибунал» размерами и нес, по меньшей мере, вдвое больше орудий. Корабль предателей мчался навстречу имперской флотилии с такой скоростью, какую не осмелился бы развить ни один из капитанов Империиума, а из портов носовой части сверкающими струями продолжали вылетать торпеды.

— Где донесения о полученных повреждениях? — закричал Хорстгельд, стараясь пресечь едва зародившуюся панику в капитанской рубке.

— В третьем плазменном реакторе пробита брешь! — донесся ответ из глубины машинного отделения.— Реактор не реагирует на наши техномолитвы, придется его отключать!

— Запрещаю отключение реактора! — приказал Хорстгельд.

Утечка плазмы несла меньшую опасность, чем риск падения мощности двигателей, что неизбежно при отключении любого реактора. Такое решение, возможно, будет стоить нескольких жизней из-за выплесков перегретой плазмы на машинную палубу. Но капитан обязан пойти на подобные жертвы.

Дела плохи. Первый же торпедный залп с «Кузнеца преисподней» сильно повредил «Трибунал» и «Образцовый». «Птолемей Гамма», и так ослабленный потерей связи, был почти раздроблен случайным попаданием, лишился значительной части кормы и получил сквозную пробоину всех машинных палуб. Несомненно, торпедный залп — это всего лишь вступление. «Кузнец преисподней» явно намерен подойти вплотную и нанести сокрушительный удар из бортовых орудий. А может, его капитан готовится высадить абордажные команды. Хорстгельду оставалось гадать, а крейсер тем временем неся на «Трибунал» с такой скоростью, что было ясно: командовать им может только безумец.

Позади «Кузнеца преисподней» шел второй, неопознанный корабль — безобразно раздутая громадина, из которой во все стороны торчали дула орудий. Как только он подойдет к имперской флотилии, бортовые залпы пробьют огромную брешь в строю транспортных кораблей и судов прикрытия.

Последний из вражеской флотилии корабль был похож на древнюю боевую платформу. Он имел треугольное сечение, и с каждой из трех сторон открывались пусковые палубы и порты для запуска истребителей.

Каждый из вражеских кораблей выбрал себе определенную цель. И каждый нес смертельную

угрозу для намеченной жертвы. Теперь задача Хорстгельда состояла в том, чтобы как можно дольше затягивать бой и, несмотря ни на что, надеяться, что выигранное им время имеет значение.

— Развернитесь бортом к «Кузнецу преисподней», — крикнул Хорстгельд в навигационное отделение. — Артиллерия, зарядить все бортовые орудия. Приготовиться к залпу. — Хорстгельд бросил взгляд на тактическую сводку в углу монитора. — Связисты! Отыщите мне «Пьету».

— Сэр?

— Вы меня слышали. И действуйте побыстрее!

«Кузнец преисподней» был одним из самых неприглядных кораблей, которые когда-либо доводилось видеть Хорстгельду. В давние времена «Кузнец» занимал не последнее место в составе имперской флотилии, но затем армия почти полностью отказалась от кораблей клиновидной формы. За тысячелетия службы корабль предателей испещрили волдыри и язвы, словно металл был заражен. Бесчисленные орудия, казалось, торчали из кровоточащих ран корпуса.

Сражение с уродливым кораблем требовало не менее уродливых методов. Хорстгельд пробормотал молитву, испрашивая прощения Императора, а затем уселся обдумывать сообщение для «Пьеты».

Обелиск орбитальной связи представлял собой иглу из тускло-серого металла, густо, словно искусной резьбой, покрытую электрическими схемами и проводами. Она была наполовину завалена ржавыми обломками металлических конструкций, из которых состояло основание современного мануфакториума Ноктис.

— Вы готовы? — спросил магос Антигон.

Хокеспур кивнула. Она присела на груды хлама у подножия обелиска, уходящего вверх сквозь сырой потолок пещеры. Антигон настроил врезанный в колонну примитивный вокс-передатчик, в который дознаватель должна была говорить. Едва она откинула верхнюю часть скафандра, как на шее сразу стали заметны голубовато-серые припухлости. Еще немного, и они начнут препятствовать дыханию.

— Механикус Тьмы смогут заметить утечку энергии? — спросил Аларик.

— Возможно, — ответил Антигон, заканчивая приготовления к передаче. — Они и так подозревают о нашем существовании здесь, внизу, но их сервиторы-охотники редко заходят так далеко.

— Духи столь древних машин теперь редко откликаются на наши молитвы, — заметил

архимагос Сафентис, проводя механическим пальцем по выступающим из обелиска схемам. — Обелиск, вероятно, очень древний и сохранился с самых ранних дней Каэронии. Его очень трудно копировать.

— Тогда вам надо поскорее все хорошенько осмотреть, архимагос, — предложил Аларик. — Мы не собираемся здесь долго задерживаться.

Поток энергии хлынул в устройства мачты, и весь огромный зал наполнился низким гудением. В вокс-передатчике затрещали помехи.

— Надо проверить диапазон частот, — сказал Антигон. — Если нам повезет, можем наткнуться на канал одного из имперских судов.

«В конце концов, — подумал Аларик, — все всегда сводится к удаче».

— Мы что-то нашли! — воскликнула Хокеспур. — Всем имперским кораблям! Говорит дознаватель Ордо Маллеус Хокеспур. Ответьте, пожалуйста!..

Магос Маргилд добрался до капитанской рубки «Образцового» как раз вовремя, чтобы увидеть, как автоматический сервитор-уборщик сгребает с пола обгоревшие осколки. Учитывая те факты, что Корвейлан всегда была прочно прикована к полу рубки, что ее не оказалось на месте и что командный трон является эпицентром разлетевшихся лохмотьев плоти и металлических частей, Маргилд мгновенно сделал вывод о гибели капитана корабля. Магос слегка оторопел при виде останков капитана в совковой лопате для мусора, но постарался не показывать своих чувств.

— Я получил приказ взять на себя управление кораблем, — сказал он, пробираясь к закопченному пульту. Маргилд говорил через висящий на груди вокс-передатчик, поскольку всю нижнюю часть его лица закрывал ворот из толстого металлического листа. Он служил продолжением бронированного скафандра, защищавшего главного инженера от вредных воздействий машинного отделения. — Что здесь произошло?

— Магос Корвейлан взорвала себя, — ответил инквизитор Никсос. Сам он в результате взрыва получил несколько порезов на лице. Вооруженные воины с «Трибунала» под командованием комиссара Леюнга теперь стояли за его спиной, чтобы у магоса Маргилда не осталось никаких сомнений относительно того, кто обладает верховной властью над кораблем. — Я высказал свои подозрения относительно ее лояльности, и в результате она предпочла самоубийство.

— Понимаю, — с некоторой запинкой произнес Маргилд.

— Первоначальный залп торпед мы пережили, — продолжал Никсос, — но вражеский флот стремительно идет на сближение. На нас движется тяжеловооруженный крейсер. Первоочередная задача — маневрировать так, чтобы между нами и противником оказалась эскадрилья «Птолемея». Делайте то, что положено, но помните, что властью Инквизиции

верховным командующим кораблем являюсь я. Комиссар Леюнг будет отвечать за безопасность на корабле.

Маргилд встал за командный пульт и начал просматривать в бортовом журнале проповеди, соответствующие проведению маневров. «Образцовый» нельзя было назвать очень подвижным, и магосу потребуются все силы, чтобы совершить маневр перед приближающимся врагом. Казалось, Маргилд нашел в себе силы не обращать внимания на едкий дым, еще клубившийся над командным шлемом — последним пристанищем магоса Корвейлан.

Никсос обернулся к Леюнгу:

— Комиссар, мне необходимо срочно изучить личные вещи магоса Корвейлан и записи обо всех ее контактах. Выясните, вела ли она какие-то бумаги, от кого получала приказы и какими были последние распоряжения. Ищите любые указания на предмет ее поисков.

— Я прикажу нашим воинам произвести самое тщательное расследование, — ответил Леюнг.

— И сделайте это побыстрее. Корабль не сможет долго продержаться.

— Мы засеки множественные цели, — послышался по воксу доклад из центра наблюдения. — Источник — вражеский корабль размером с крейсер.

— Сначала они будут пристреливаться, — сказал Никсос. — А потом ударят из всех имеющихся орудий. — Инквизитор посмотрел на тактическую модель, где раздутый силуэт неопознанного вражеского корабля угрожающе надвигался на «Образцовый». — По крайней мере, мы знаем, с кем имеем дело. Маргилд, главная наша задача — остаться в живых. Оттягивайте этот корабль на себя и как можно дольше оставайтесь вне пределов досягаемости его бортовых орудий. Как вы думаете, справимся?

— Возможно, — ответил Маргилд. — Многое зависит от подвижности врага.

— Хорошо. Постарайтесь так и сделать. А скажите-ка, удалось ли магосу Корвейлан продвинуться в расшифровке сигнала с планеты?

— В лаборатории шифровальщиков достигли кое-каких успехов.

— Держите меня в курсе.

Корабль вздрогнул, когда еще одна часть корпуса не выдержала удара. «Образцовый» сильно пострадал, и положение могло только ухудшиться.

— Капитан, — раздался голос в канале вокса из центра связи. — Мы принимаем странную

передачу с поверхности планеты. Возможно, имперского происхождения.

— Транслируйте сигнал в рубку, — приказал Никсос.

Шум помех из вокс-трансляторов заглушил щелканье работавших за пультами сервиторов и стук корабельных двигателей, доносившийся из глубины корабля. В этой мешанине звуков Никсос с трудом разбирал слова.

— ...повторяю, это дознаватель Ордо Маллеус Хокеспур. Может кто-нибудь...

— Хокеспур! Это Никсос. Проклятье, что там у вас происходит?

— ...потерпели крушение. Наличие моральной угрозы подтвердилось, это Механикус Тьмы...

В голосе Хокеспур звучала усталость. Было ясно, что дознаватель совершенно вымотана, больна и расстроена по поводу плохой связи.

— Хокеспур, у нас здесь совершенно нет времени. С планеты был послан сигнал, и тотчас появился «Кузнец преисподней». Последний раз корабль был замечен на службе Абаддона Осквернителя. И похоже, они готовятся высадиться на поверхность.

— ...не должно случиться, сэр, враг перекачивает силы в район за пределами города. Возможно, там находится то, что они ищут...

— Ищут не только они. Магос Корвейлан отсюда тоже что-то разыскивала, и она действовала не по приказу Механикуса. Нам неизвестно, на кого она работала. Возможно, за ней стоял кто-то очень высокого ранга.

— ...поняла нашу задачу... обнаружить центр вражеской активности и установить степень угрозы?

— Правильно. Хокеспур, сделай все, что в твоих силах. Если понадобится, используй тактику выжженной земли. И ты остаешься внизу в одиночестве, нам предстоит сражение с несколькими кораблями крейсерского класса, мы не сможем их долго удерживать.

— ...сэр. Дайте нам хоть немного времени, я буду действовать по своему усмотрению.

— Ты справишься. Если Аларик жив, можешь ему доверять, он знает, как выживать в подобных местах. А если Сафентис еще там, не доверяй ему. Он может быть подвержен ереси. Механикумам что-то известно, но они нам не говорят. Хокеспур? Хокеспур?

Никсос еще целую минуту напряженно прислушивался. Но до него доносился только треск помех.

— Проклятье. Маргилд, прикажите связистам держать эту частоту. И если что-то поймаете, дайте мне знать.

— Слушаюсь, инквизитор.

— И пусть шифровальщики продолжают работу над сигналом, даже если корабль развалится на части. Если Хокеспур снова выйдет на связь, я должен знать, что ей сказать.

— Я поняла, но мы до сих пор не знаем, кто нам противостоит, сэр. Дайте нам хоть немного времени, я буду действовать по своему усмотрению! — кричала Хокеспур. Вокс-передатчик взвыл от обратной связи, а потом разразился треском. — Сэр? Инквизитор?

Цепи на колонне от перегрузки зарделись тусклым красным светом. Вокс-передатчик заискрил и окончательно затих.

— Нас могут блокировать, — заметил Антигон.

Цепи на колонне от перегрузки зарделись тусклым красным светом. Вокс-передатчик заискрил и окончательно затих.

— Нас могут блокировать, — заметил Антигон.

— А это значит, что им о нас известно, — добавил Аларик.

— Я думаю, он сказал мне все, что хотел, — заключила Хокеспур, натягивая скафандр. — Механикус Тьмы вызвали корабли Хаоса. Ведет флотилию «Кузнец преисподней» — один из самых известных крейсеров Готической войны. А это означает, что наши догадки очень похожи на правду: возвращение из варпа Казронии связано с атакой Абаддона в Оке Ужаса.

— Нельзя сказать, чтобы это были обнадеживающие новости, — вздохнул Антигон, кивая головой сервитора на дымящийся вокс-передатчик.

— Это лучше, чем отсутствие всяких новостей, — заметил Аларик. — У нас появилось отдаленное представление о наших противниках. Флотилии Хаоса что-то понадобилось на Казронии. Если мы получим это первыми, значит, сможем им навредить. Возможно, тебе не нравится то, что ты услышал, но любая крупинка информации облегчает борьбу.

— Это означает еще и то, что нам пора уходить, — добавила Хокеспур, накинув на голову капюшон. — Антигон, нам необходимо попасть к тому месту, куда поступает поток энергии. Мы

можем добраться туда быстро?

— Есть кое-какие пути. Если мобилизовать все имеющиеся возможности, мы сможем дойти туда меньше чем за два часа. Но вряд ли мы там что-то обнаружим. И там негде спрятаться: нет ни зданий, ни складов.

— А мне кажется, — вмешался Сафентис, — что теперь там что-то появилось. Нечто, куда из города идут огромные потоки энергии. — Архимагос не произнес ни слова с того момента, когда началась передача сообщений; он только напряженно прислушивался, как будто улавливал недоступные обычному уху частоты. — Антигон, у тебя нет никаких предположений, что там может быть?

Антигон пожал плечами, насколько это позволяло туловище сервитора:

— Единственным объектом, потреблявшим такую мощность в мануфакториуме Ноктис, были разработки титанов. Но насколько нам известно, они были свернуты еще восемь веков назад.

— Что бы это ни было, — настаивала Хокеспур, — нам необходимо туда попасть. Теперь цель нашей миссии — не только исследования. Нельзя допустить, чтобы в руки врагов попало новое изобретение Механикус Тьмы.

— Согласен, — сказал Аларик. — Мое отделение будет готово выступить немедленно. Антигон?

— Мои адепты готовы.

— Тогда — в путь, — скомандовала Хокеспур.

Когда все четверо добрались до базы Антигона, они слышали наверху ворчание мануфакториума Ноктис, будто сам город пытался схватить их своими когтями. Вся Каэрония знала, что они находятся там, и ненавидела их — как опасную инфекцию, грозящую поразить биомеханическую массу мануфакториума Ноктис. Привкус колдовства, замеченный Алариком при первом взгляде на планету, стал сильнее, как будто темное сердце Каэронии пробуждалось и обращало на них свой взгляд.

Планета жаждала их смерти. И возможно, она добьется своей цели. Но Аларик верил в Хокеспур и в боевых братьев. Юстициарий знал, что, прежде чем погибнуть, они будут сражаться, как не сражался еще никто на свете.

Миссионарий Патрикос заставил себя подняться на кафедру главного амфитеатра — огромной аудитории, откуда он мог обратиться сразу ко всем путешествующим на «Пъете» пилигримам. Большинство из них уже собрались: мужчины, женщины и дети плотными рядами сидели на скамьях и потихоньку обсуждали свои страхи и сомнения, сжимая в руках иконки с аквилон или потрепанные молитвенники.

Экипаж «Пьеты» только что объявил о неожиданной смене курса по приказу контр-адмирала военной флотилии. Некоторые из паломников уже решили, что они вот-вот подвергнутся атаке со стороны вражеских кораблей. Патрикос находился на корабле с самого начала паломничества из Гаталамора по южной окраине Галактики к Сан Леору. Он был проводником воли Императора и духовным лидером пилигримов. Он вел их за собой в течение тринадцати долгих лет нелегкого паломничества, и люди во всем доверяли предводителю.

— Братья! — воззвал Патрикос звучным голосом проповедника. — Сестры! Не отчаивайтесь! Да, мы переживаем трудные времена, и на долю слуг Императора выпала нелегкая доля. Но ведь мы — Его люди! Он защитит нас от посягательств любого, кто захочет причинить нам вред. Ведь в наших сердцах мы несем Его благословение! Мы посвятили себя Ему! Верьте в Него, как вы верили все эти долгие годы, и в следующей жизни вы будете вознаграждены Его милостью!

Патрикос видел страх на осунувшихся от долгих странствий лицах. Паломники были собраны на корабле из десятков разных миров, а кое-кто оставался на борту с самого начала путешествия, с Гаталамора. Люди так много времени провели вместе, что достаточно было голоса одного сомневающегося, чтобы слухи и паника, словно пламя, распространились по всему кораблю.

— Но один из членов экипажа сказал мне, что поблизости находится вражеская флотилия! — выкрикнул один из паломников. — И мы теперь подчиняемся военному командованию!

Патрикос успокаивающим жестом поднял руки над трибуной:

— Все правильно. Военной флотилии понадобилось наше присутствие, но это всего лишь предосторожность. В худшем случае, если состоится атака врагов, мы сможем оказать помощь в качестве транспортного средства или госпиталя. Мы не вооружены! И мы несем в себе преданные души, как и все благочестивые мужчины и женщины, ради которых сражается наш военный флот! Они не позволят причинить нам никакого вреда. А теперь давайте молиться и благодарить Императора за храбрость и преданность наших солдат и экипажей, которые защищают нас от тьмы. Гимн Терре, стих девяносто три.

Паломники сначала нерешительно, затем все увереннее присоединили свои голоса к голосу Патрикоса и запели молитвы бессмертному Богу-Императору.

Клиновидная громада «Кузнеца преисподней», почти вдвое превосходящая размерами стандартный боевой крейсер, из глубины космоса нацелилась на самую середину «Трибунала». Она летела вперед с невероятной скоростью. Наружные бронированные пластины на носу судна разошлись, брызнув дымящейся кровью. Обнажились белые клыки, образующие страшную режущую кромку наподобие лезвия цепного меча. Чуть ниже таранных клыков открылись широкие влажные отверстия, ведущие к набитым до отказа помещениям, где толпились абордажные команды.

На «Кузнеце преисподней» содержалось огромное количество особей из отбросов человеческого сообщества, полученных в результате отбора и мутации. Из них и состояло

абордажное войско для рукопашных схваток на вражеских кораблях. Если «Трибунал» выживет после первого удара, эти головорезы через абордажные трубы хлынут на имперский корабль и затопят его палубы кровью. Такова была старая тактика — весьма разумная, если учитывать размеры и прочность «Кузнеца преисподней».

Согласно же доктринам Имперского Флота тактика таранного удара была шагом, близким к безумству. И абордажная атака мало чем от нее отличалась. Имперские капитаны попросту не знали, как защититься от стремительно несущегося на них «Кузнеца преисподней» с обнаженными для тарана клыками. Само это ужасающее зрелище повергло в шок не одного капитана корабля; многие из них теперь находились в самых глубоких отсеках корабля Уркратоса, плененные, сломленные и близкие к безумию.

«Кузнец преисподней» лег на курс атаки. Демоны корабельной рубки отлично справились со своей работой, и мощная тяга двигателей неумолимо приближала колоссальный крейсер к «Трибуналу».

Казалось, уже ничто не могло помешать атаке, как вдруг на пути «Кузнеца» возникла мирная «Пьета».

Двигатели «Пьеты» возмущенно взревели, и неуклюжий бочкообразный корабль одновременно потащило в разные стороны. Люди в огромном амфитатре закричали: от беспорядочной смены силы искусственной гравитации их бросило на жесткие мраморные скамьи. Миссионарию Патрикосу, чтобы не упасть на ряды впереди сидящих паломников, пришлось обеими руками вцепиться в края кафедры.

— Продолжайте молиться! — воззвал он к паломникам, перекрикивая вой двигателей и панические вопли. — Продолжайте молиться! И Он вас услышит!

Нечто огромное врезалось в нижнюю часть корабля и, судя по лязгу разрываемого металла и свисту уходящего в космос воздуха, пробило нижние палубы. Внезапно корабль остановился, Патрикос упал на спину, а паломники посыпались со скамей на пол. Снизу не прекращались ужасные звуки: взрывались топливные склады, свистел вылетающий воздух, громыхали вмятые внутрь пластины брони.

Патрикос с трудом поднялся на ноги. Те из паломников, кто не потерял сознания после первого удара, с побелевшими от страха лицами продолжали бормотать священные слова.

— Он вас не слышит! — закричал Патрикос что было сил. — Вы недостаточно усердно молитесь! Воспевайте Его со всей страстью вашей веры!

— Он вас не слышит! — закричал Патрикос что было сил. — Вы недостаточно усердно молитесь! Воспевайте Его со всей страстью вашей веры!

Взорвался один из кормовых двигателей, и воздух наполнился тошнотворным шипением

горящего топлива, захлестнувшего машинный отсек жидким пламенем.

— Продолжайте молиться! — Корабль содрогался, словно агонизирующее животное; с потолка полетели капли расплавленного металла.— Все! Молитесь усерднее! Торопитесь!

Зубастый носовой выступ «Кузнеца преисподней» вломился прямо в амфитеатр, и ряд острых клыков со скрежетом прошел по рядам сотен паломников. Остальные погибли, когда следом за клыками ворвался вакуум и заполнил разбитую «Пьету» смертельным холодом бездны.

— Будь прокляты зубы богов! — взревел Укратос, едва последние обломки «Пьеты» слетели с носовых клыков «Кузнеца преисподней». — Эй, ты! Мы еще на курсе?

Демон-навигатор, мускулистый громила, покрытый светящимися магическими рунами, заворчал со стены, к которой был прикован дротиками из метеоритного железа:

— От столкновения наш курс изменился. Оружие пройдет мимо цели.

Укратос взглянул на пикт-экран, изображающий еще дымящиеся обломки «Пьеты» вокруг таранных клыков. Демон был прав: «Кузнец преисподней» пройдет мимо кормы «Трибунала».

— Откорректируй направление.

Демон ухмыльнулся всеми тремя слюнявыми ртами.

— Это невозможно, — ответил он.

Укратос выхватил из поясной кобуры болт-пистолет и вlepил подряд три выстрела в демона-навигатора. Кипящая кровь забрызгала металлическую стену.

— Ты осмелился мне возражать! — кричал Укратос. — Твоя мерзкая душа сейчас сгниет!

— У меня нет души, — ответил демон, не переставая ухмыляться обезображенным лицом. — Я не могу тебе возражать. И это не ложь. Клинок «Кузнеца преисподней» не сможет поразить сердце врага.

Укратос плюнул в один из многих изумрудно-зеленых глаз демона. Это правда. Если бы корректировка курса была возможна, демон бы ее осуществил. «Кузнец преисподней» промахнется.

— Оружейники! — закричал Укратос. — Отвести абордажную команду на артиллерийскую палубу! И приготовиться к стрельбе из бортовых орудий!

Будь проклят этот имперский сброд! Они не знают, как надо умирать. Теперь он подвергнет вражеский флагман жестокому обстрелу, и эта смерть будет гораздо более долгой и жестокой. Эти поклонники трупа Императора сами обрекли себя на мучения. Истребив их, Уркратос только выполнит свой священный долг.

Контр-адмирал Хорстгельд видел на пикт-экране умирающую «Пьету». Он так и не узнал, понимали ли на паломническом корабле суть его приказов. Если да, то какими бы преданными слугами Императора ни были члены экипажа «Пьеты», они могли и не решиться на такой шаг.

Но не они несли ответственность за тысячи только что погибших невинных паломников. Эта тяжесть лежала на душе Хорстгельда. Такова участь командующего — отвечать за все хорошее и плохое, что происходит с гражданами Империиума, которые находятся на его попечении.

Хорстгельд проверил показания курсов, которые высвечивались на экране. «Кузнец преисподней» не попадет в «Трибунал». Он отклонился от курса совсем немного, но этого достаточно, чтобы промахнуться. «Трибунал» проживет немного дольше. И эти несколько мгновений стоили крушения «Пьеты» и гибели всех, кто был на ее борту.

— Уважаемый проповедник, — обратился Хорстгельд к Таласу, как всегда стоявшему за кафедрой корабельной рубки. — Мы согрешили. Совершите обряд покаяния, если вам не трудно.

Под мануфакториумом Ноктис, у самого основания города, где искусственно созданные пласты встречались с богатой железом корой Каэронии, среди скал имелись десятки невысоких, но обширных пустот. После добычи железа и других металлов остались бесконечные туннели. Большая их часть обвалилась, но уцелевших было достаточно, чтобы устроить под городом потайную дорогу, ведущую к древним разработкам, что лежали как раз за пределами современного мануфакториума.

Старинный транспорт «Химера», перенесший так много починок и реконструкций, что в нем почти не осталось первоначальных деталей, возглавлял небольшую боевую колонну. Она торопливо продвигалась по этой дороге к радиоактивной пепельной пустыне на окраине города. Украденная и отремонтированная техножрецами Антигона машина была самым боеспособным транспортом из всех, которыми располагали силы сопротивления, но и она выглядела так, словно вот-вот развалится на части.

— Что мы обнаружим, когда доберемся до места? — спросил Аларик, морщась от зубодробительного скрежета мотора.

Вместе со своими воинами и техножрецом Галленом, который, казалось, имел особый талант заставлять двигаться те машины, которым давно пора было ржаветь на свалке, Аларик ехал на «Химере». Галлен взглянул на юстициария единственным природным глазом.

— Самые старые шахты до сих пор заброшены, — сказал он. — Их прорыли работники, так что по туннелям можно продвигаться как пешком, так и на машинах. Туннели выведут нас к

пустыне.

— А что там?

— Ничего.

Аларик был уверен, что это не так. Он отчетливо ощущал волны злобного сопротивления, которое пыталось его остановить. И алмазно-твердый стержень веры отзывался на противодействие болью.

— Я думаю, нам стоит совершить обряд раскаяния, — предложил брат Арчис. — Мы должны прийти туда с чистыми душами.

— Согласен, — ответил Аларик. — Но вести его буду не я. Арчис, ты сам прочтешь молитвы. Мне кажется, у тебя к этому больше способностей.

— Хорошо, юстициарий, — согласился Арчис. — Братья, присоединяйтесь.

Арчис начал читать, и все космодесантники во главе с Алариком, склонив головы, последовали его примеру. В ходе обряда раскаяния они признавали слабость своих душ и неспособность исполнить до конца долг перед Императором: их задачей было устранение угрозы демонов, но демоны все еще существовали и наносили вред народам Империиума. А потому, пока работа Серых Рыцарей не выполнена, они молили Императора о прощении и надеялись, что Он в своем милосердии даст им силы завершить дело.

В тот день, когда они погибнут, когда будут сражаться рядом с Императором до конца времен, только тогда их обязанность будет исполнена. А до тех пор они в долгу перед Императором и отдавать свой долг будут до конца жизни.

— Ты сказал, что потерял их? — спросил коллективный разум техножрецов Каэронии.

— Только на время, — ответил Скраэкос.

Почитаемый архимагос стоял на развалинах информкрепости. Он заставил крепость полностью развернуть хрустальные стены и открыть пасмурному небу самые нижние уровни податливого хранилища информации. Ярость Скраэкоса вплавила тела погибших работников и демонов в черные хрустальные поверхности, и они навсегда остались лежать там, где упали.

Никаких следов выживших пришельцев не оказалось. Только тела их убитых воинов — пара техностражей в ржаво-красных с бронзовыми накладками мундирах ортодоксального Адептуса Механикус. Никаких следов космодесантников и, возможно, направлявших их архимагосов. Скраэкос обыскал все, вплоть до мертвых слоев хранилища данных, куда не могла проникнуть ни одна технология правящих техножрецов.

Скраэкос рассеянно поднял с пола останки изувеченного техностража, и тут же в мыслях возник вопрос коллективного разума.

— Объясни, — прозвучал в голове голос тысячи техножрецов.

— Это участники исследовательской миссии, — сказал Скраэкос. — Они должны будут продолжать свою работу и не смогут долго ускользать от нашего внимания.

— Но пока они скрылись, — заметили техножрецы. — Объясняй дальше.

— Мы убили несколько членов их отряда, — продолжал Скраэкос. — И нам понятна их структура и техника. Мы многое узнали об их способностях. Они обладают какой-то новой технологией, при помощи которой сумели преодолеть заслоны программ-охотников. — Скраэкос презрительно взглянул на охотников, которые забились под поверхность хрусталя, свернулись в клубки и дрожали. — Я не сомневаюсь, что технология была разработана ортодоксальными Адептус Механикус уже после того, как мы имели с ними контакт.

— Твои объяснения больше похожи на извинения, почитаемый архимагос Скраэкос. Твои действия не гарантируют неизбежной поимки пришельцев. Более того, похоже, что твоя индивидуальность сделала тебя менее эффективным. А потому почитаемому архимагосу Скраэкосу надлежит вернуться в коллектив техножрецов командной башни.

Скраэкос от разочарования стиснул механоруки. Тонкие датчики, заменявшие ему пальцы, вонзились в хрусталь, и он прочел страхи и слабость программ-охотников. Они потерпели неудачу. Они. Не он. Он — величайший из архимагосов Каэронии. Величайший со дня гибели великого раскола во времена Ереси Хоруса. Скраэкос выполнил задание с абсолютной точностью и искусством. Он должен быть правителем Каэронии.

С ним говорил сам Разрушитель. В самом начале он разговаривал только с ним одним.

— Хорошо, — сказал Скраэкос. — Я вернусь к техножрецам. Я стану нами.

— За тобой будут отправлены гравиплатформы. Почитаемый архимагос Скраэкос должен подготовиться к отключению индивидуального сознания.

Связь оборвалась. Скраэкос вновь остался один в информкрепости. Ее силуэт стал похож на твердый черный хрустальный цветок, где стены представлялись гигантскими лепестками. Долина тоже преобразилась: в тех местах, где впивались пробники в поисках информации о пришельцах, отвесные обсидиановые скалы покрылись десятками дымящихся кратеров.

Некоторое время Скраэкос размышлял о существовании в мануфакториуме Ноктис какого бы то ни было активного движения сопротивления. Большую часть времени память и мыслительные способности архимагоса не принадлежали ему, а были составной частью

коллективного разума. Но в тех случаях, когда Скраэкос существовал как отдельная личность, он задумывался, можно ли объяснить некоторые акты очевидного саботажа, неожиданные отключения энергии и смерти техножрецов только несчастными случаями на производстве.

Кто-то должен координировать сопротивление на Каэронии. Возможно, это техножрецы-отступники, противники власти. А может быть, остатки далекого прошлого Каэронии, каким-то образом сохранившие верность ортодоксальному Адептус Механикус, от которой планета отошла много веков назад. Успех пришельцев подтверждал догадки Скраэкоса. Сопротивление, оставаясь в тени, оказалось хитрым и изобретательным, но, помогая пришельцам скрыться, мятежники обнаружили свое существование. И это будет их последней ошибкой.

Почитаемый архимагос Скраэкос — правитель Каэронии. Он выражает истинную волю Омниссии, воплощенного в Разрушителе. И дело не в амбициях или высокомерии. Это холодный логический расчет, на девяносто девять процентов завладевший душой Скраэкоса. Он добьется гибели и пришельцев, и сопротивления.

Между шпилями башен к информкрепости плавно скользнула гравиплатформа в сопровождении нескольких боевых платформ. Они должны были доставить Скраэкоса в командную башню, что вполне устраивало почитаемого архимагоса. Это место как нельзя лучше подходит для того, чтобы он укрепил свои способности в совокупности с коллективным разумом Каэронии.

Программы-охотники потерпели неудачу. Из этого следовал единственный вывод: Скраэкос должен разобраться с пришельцами самостоятельно.

Орудия «Исхода» оставили глубокие мерцающие царапины на защитном поле «Образцового». Огромный раздутый крейсер Хаоса с ошеломляющей быстротой изрыгал бесконечные залпы огня, от которых даже на расстоянии прогибался силовой контур, установленный Адептус Механикус для предотвращения разрушений. Угнездившийся в центре «Исхода» демон вручную наводил каждое из тысячи орудий, заряжал их своими щупальцами и производил выстрелы импульсами нервной системы.

«Образцовый» проявил невиданную для кораблей такого размера прочность, но, несмотря на упорное сопротивление, «Исход» стремительно приближался. Как только крейсер подойдет достаточно близко, чтобы произвести залп из бортовых орудий, корабль механикумов наверняка будет разбит и его внутренность превратится в скопление обгоревших металлических обломков.

Но пока этого не произошло. И в «Образцовом» еще горел такой сильный боевой дух, о котором никто даже и не подозревал.

— Защиту правого борта на полную мощность! — отдал приказ магос Маргилд.

В рубке «Образцового» вместо сгоревших сервиторов теперь было полно работников и техножрецов. Сложные маневры пока проходили успешно, и Маргилду удавалось держать

разрушенный нос корабля вне досягаемости вражеских снарядов.

— Маневр уклонения по шаблону «Тета», — продолжал Маргилд. — Датчикам носовых отсеков продолжать контроль повреждений.

После торопливого поиска в корабельных архивах выяснилось, что им противостоит «Исход» — контролируемый Хаосом крейсер. Он действовал на стороне врага во времена Готической войны, а затем, в самом начале вторжения через Око Ужаса, вновь обнаружил свое присутствие в окрестностях Квадрата Немезиды.

Вероятно, «Образцовый» не мог сражаться с ним на равных. Но это не имело значения. Целью корабля была не победа: ему необходимо было отвлечь врага на достаточно долгое время, чтобы Хокеспур и Аларик успели уничтожить то, что привлекло к Каэронии флотилию Хаоса.

— Комиссар! — крикнул в вокс Никсос. — Вы что-нибудь обнаружили?

Голос Леюнга вместе с треском помех донесся из самой глубины корабля, где находились личные покои магоса Корвейлан:

— Прямых свидетельств о подозрительной деятельности не так уж и много. Но некоторые из техножрецов доложили о скрываемых научных исследованиях под руководством архимагоса Скразкоса.

— Техножрецы? А мы можем им доверять?

— Думаю, да, инквизитор. Магос Корвейлан не пользовалась особой любовью среди членов экипажа.

Никсос позволил себе улыбнуться:

— Это характеризует их с лучшей стороны. Так что вы нашли?

— Признаюсь, я не до конца это понимаю. Лет сто пятьдесят назад Скразкос основал на Переднем Солшане что-то вроде семинарии. Она была не только духовной, но и технической. И предметом изучения, как следует из записей Корвейлан, были Образцы Стандартных Конструкций. В чем я уверен, так это в ее стремлении скрыть всякие следы своей деятельности.

— Понимаю. Благодарю вас, комиссар. В случае еще каких-нибудь находок извещайте меня немедленно.

— Да, инквизитор.

— Да, через несколько минут дела наши могут пойти совсем плохо. Нам навязан бой. В нем у нас нет шансов на победу.

— Понятно, — ответил комиссар Леюнг.

Вокс-канал закрылся. Деятельность в рубке, как показалось Никсосу, неожиданно затихла. Хотя на самом деле по мере приближения «Исхода» активность экипажа «Образцового» непрерывно росла.

Образец Стандартных Конструкций. Конечно. Теперь многое становится понятнее.

— Маргилд, — окликнул Никсос капитана, отрываясь от своих размышлений. — Нам необходимо связаться с поверхностью планеты. Любыми способами. У вас имеются исторические сведения о Каэронии?

— Да, конечно. Но, боюсь, они не имеют никакого отношения к нынешней планете.

— Это не важно. Доставьте их мне в шифровальный отсек. Я оставляю вас в капитанской рубке, но помните, что вы отвечаете перед Инквизицией. И постарайтесь сохранить наши жизни.

— Слушаюсь.

Инквизитор поспешно вышел из рубки. Артиллерия «Исхода» слой за слоем срывала с «Образцового» защитный покров. До Никсосу долетал отдаленный гром разбивающихся броневых пластин. Времени осталось совсем мало. Но теперь Никсос знал, из-за чего это происходило — переходы Каэронии, прибытие флотилии Хаоса, предательство Корвейлан и все остальное. Если только ему удастся как-нибудь дать знать о своих догадках Хокеспур, у дознавателя появится шанс, и тогда гибель всех этих мужчин и женщин не будет напрасной.

<http://tl.rulate.ru/book/30591/669680>